Н. В. Круглова

ПЕРСПЕКТИВЫ ГЕНДЕРНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В РОССИИ

Работа представлена кафедрой теоретической и прикладной культурологии СПбГУ.

Статья посвящена проблеме обретения гендерной толерантности в современной России. Представлено понятие гендерной толерантности и результаты ее реализации. Анализируются основные черты гендерного порядка в России, тенденции в политической, социальной, профессиональной, приватной и сексуальной сферах. Трансформация современной российской культуры делает проблематичным обретение гендерной толерантности в ближайшее время.

Ключевые слова*: гендерные исследования, толерантность, эмансипация, публичный дискурс, приватный дискурс, равноправие, критицизм, либерализация.*

N. Kruglova

PERSPECTIVES OF GENDER TOLERANCE IN RUSSIA

The article is devoted to the problem of establishment of gender tolerance in modern Russia. The concept of gender tolerance and the results of its realisation are described. The basic features of gender order, the main tendencies in political, social,

professional, private and sexual spheres are analysed. The transformation of modern Russian culture makes it difficult to establish gender tolerance in the nearest future.

Key words: *gender study, tolerance, emancipation, public discourse, private discourse, equality of rights, criticism, liberalisation.*

Для современной России актуален вопрос освоения толерантных отношений во всех сферах: политической, социальной, экономической, профессиональной, религиозной, а также межэтнической, межпоколенной, межполовой. Вопрос о гендерной толерантности, относящийся к сфере межполовых отношений, является для нашей страны не только совсем новым, но и особенно актуальным и сложным, так как касается этого рода отношений не только в семье, но и в профессиональной, социальной, политической, интимной сферах. И все эти сферы культуры находятся в фазе трансформации, переопределения. Этому проблемному типу толерантности, его особенностям и перспективам формирования в нашей стране посвящена данная статья*.

Под гендерной толерантностью понимается непредвзятое отношение к представителям другого пола или другого отношения к полу, недопустимость априорного приписывания человеку недостатков другого пола, следования стереотипным мнениям, выражения превосходства, проявления дискриминации по признаку как биологического (мужчина-женщина), так и социально-культурного (сконструированного и/или с которым происходит идентификация) пола.

Важнейшие принципы толерантности в гендерных отношениях сводятся к следующему: 1) сотрудничество, дух партнерства между представителями полов, группами; 2) готовность принимать мнение противоположного по полу партнера, либо имеющего иное отношение к полоролевым установкам; 3) уважение человеческого достоинства независимо от биологического или социально-культурного пола, половой самоидентификации; 4) уважение прав другого и права на другое; 5) принятие другого таким, какой он есть, без априорного наделения его стереотипными недостатками; 6) способность поставить себя на место другого; 7) уважение права быть иным; 8) признание многообразия подходов к половой и гендерной самоидентификации; 9) признание равенства; 10) терпимость к иному поведению; 11) отказ от доминирования, причинения вреда и насилия [10, с. 128–129].

Понятие гендерная толерантность – порождение западной культуры, как и понятие толерантность в целом. Оно связано исторически с процессом эмансипации человека, начатым буржуазными революциями, и формированием новой эры – эры прав человека, в рамках которой пересматриваются властные отношения в обществе: из субъект-объектных они становятся субъект-субъектными. Оформляется и субъектность женщины как полноценного, равноправного члена общества. Строительство этой субъектности в рамках либерально-демократического общества связано с оформлением целого ряда новых субъектов социальных взаимоотношений, поскольку «неравенство в распределении плодов патриархата распространяется не только на женщин, но и на мужчин: гегемонистская маскулинность белых гетеросексуальных мужчин среднего и высшего класса конструируется в противовес не только фемининностям, но и подчиненным (классовым, расовым, сексуальным) маскулинностям» [6, с. 190].

В западных странах завоевание женщинами социального статуса, сопоставимого по основным параметрам с мужским социальным статусом, связано с обретением политических (гражданских), социально-экономических, репродуктивных прав. Процесс этот идет в три этапа: первый – буржуазные революции, как революции «права» и «правосознания»; второй – промышленная революция, несущая равноправие в социально-экономической сфере; третий – культурные революции: гендерная, связанная с феминистским движением и появлением гендерных исследований; сексуальная революция, обозначившая изменение подхода к репродуктивной функ-

ции, распространение женской гормональной (наиболее надежной) контрацепции, поставившая вопрос о «нормализации» женской сексуальности, об изменении взглядов на любовь, рождение детей; семейная революция, пересматривающая цели и функции семьи, принципы и сроки ее формирования.

Результатом активности и наступательности женского движения стала оптимизация социального, экономического, профессионального, политического и сексуального статусов западной женщины, обретение ею ***автономности*** и самодостаточности к концу XX в. «В самых развитых демократических государствах, таких как Канада, Финляндия, Исландия, Швеция, Норвегия, Дания в последние 30 лет завершается «тихая женская революция». Женщины этих стран добились почти половины мест во всех структурах власти и изменили содержание политики. Ее главные приоритеты – повседневная жизнь людей: здравоохранение, пенсионное обеспечение, образование и т. д. Сюда идет большая часть бюджетных средств. Женщины не просто заполняют пространство политики, а заявляют, что намерены в корне изменить ее правила и содержание, что призваны морально совершенствовать, гуманизировать отношения в ней. Под воздействием женщин, пришедших к власти, эти страны стали самыми спокойными и пригодными для проживания рядового человека» [1, с. 11].

Вступив на этот путь в конце XX в., Россия в этом вопросе существенно отстает от Европы, хотя в целом начинает воспроизводить его этапы. Своеобразие ситуации в России задано не только мучительным, возвратно-поступательным характером модернизации, реформирования, трансформации, но и спецификой гендерных отношений и соотношений. Прежде всего необходимо отметить факт катастрофической убыли мужского населения в стране в течение всего XX в. Первая и Вторая мировые войны с необъяснимо высокими человеческими потерями, индустриализация, коллективизация, систематические репрессии, афганская война, первая и вторая чеченские компании, криминальные войны и другие издержки модернизации (наркомания, алкоголизм, депрессии, суицид) породили устойчивый феномен дефицита мужчин. По данным Госкомстата, соотношение мужчин/женщин с 1959 по 2000 г. (данные на начало года) показывает весьма слабую динамику, не изменяющую главную тенденцию: мужчины находятся в меньшинстве: примерно на 13 млн человек их меньше в 1959 г. и только на 9 млн в 2000 г. Такое же соотношение прогнозируется до 2016 г. Наибольший дефицит мужчин наблюдается в относительном сопоставлении в возрастных категориях 25–49 лет, т. е. в период расцвета женской фертильности (детородности). Уровень смертности среди мужчин в трудоспособном возрасте в целом в 4 раза больше, чем у женщин, особенно от таких видов причин, как болезни органов кровообращения, дыхания, несчастных случаев, некоторых инфекционных болезней (в отдельных видах до 5–7 раз) [4, с. 16–17, 19, 28]. На таком демографическом фоне трудно развернуть ту самую «войну полов», которая привела к разительным переменам в положении женщины в Европе.

Несмотря на то, что женщины в России образуют устойчивое большинство на протяжении всего XX в. (с сохранением ситуации на начало XXI в.), в политическом и социальном плане они рассматриваются как меньшинство, страдающее от неравенства, несправедливости, эксплуатации, дискриминации. Гендерные зависимости пронизывают все основополагающие социальные отношения, «гендер оказывается одним из базовых принципов социальной стратификации. Другими такими принципами выступают этничность (национальность), возраст, социальная принадлежность. Сочетание этих стратификационных принципов усиливает действие каждого из них» [3, с. 30]. Расширение прав женщины есть общий принцип всякого социального прогресса (Ш. Фурье), однако есть ли признаки реального их расширения в публичном пространстве (политическом, социальном, профессиональном)?

Вовлечение женщин в политику может принимать две формы: 1) *интеграция*, которая предполагает массовое участие женщин, интеграцию их в политический процесс, что

снимает неоправданную напряженность не только между полами, но и в нормативном взаимодействии сфер публичной и приватной; напряженность, подрывающую основы консолидирующей демократии; 2) *маргинализация,* при которой женщины, недостаточно представленные в структурах власти, исключены из процесса принятия решений, принуждены приспосабливаться к чужим и чуждым политическим решениям, находиться в ожидании покровительства, состоянии иждивенчества [1, с. 11]. Представленность в настоящее время российских женщин в политике явно свидетельствует о преобладании второго варианта, на что пока существенно не влияет даже введение трех женщин-министров в состав нынешнего кабинета министров. Это воспроизводит ситуацию советского периода, свидетельствуя, что изменения в данной сфере минимальны. Несмотря на квоты, введенные на присутствие женщин в Верховном Совете СССР, они не меняли сути «чисто вывесочной» советской демократии, при которой ключевые решения принимали именно мужчины, находящиеся в высшем партийном руководстве. Так, в «1966–1967 гг. в составе населения было 45,8% мужчин и 54,2% женщин, в Политбюро и секретариате – 100% мужчин, в составе партии их было – 79,1% и 20,9% – женщин, в составе ЦК КПСС – 97,2% мужчин и 2,85% женщин. Маргинальность, необходимость приспосабливаться к чужому взгляду на политический процесс была их уделом» [1, с. 13]. Характерно высказывание, обращенное к российскому настоящему (но соответствующее и советскому прошлому) журналиста А. Аронова: «Мы тут не в Индии, женщину во власть никогда не выберем!» [цит. по: 2, с. 102].

Перестройка и последующее постперестроечное время не привели к модернизации системы гендерных отношений, скорее к ее архаизации, к усилению гендерной асимметрии не только в политической, но и в социальной, и профессиональной сферах. Женщине в советский период отводилось две роли: «труженицы» и «матери». Они были **обязательными** и обеспечивали ей статус гражданки. Государство создавало условия для совмещения этих ролей. Советская женщина практически не знала, что значит быть просто женщиной, заботиться о своем здоровье и внешности, а также иметь собственные интересы вне интересов социалистического производства и семьи. Эмансипация по-советски означала ее постоянную усталость и перегруженность как непомерную плату за навязанный государством и обществом «компромисс»: совмещение производительного труда на предприятии, материнских забот и изнуряющего домашнего труда. Учитывая это, женщины постоянно стремились к образованию и были более успешны в обучении. «По данным социологов (1994 г.): 47% работающих женщин и 34% работающих мужчин имеют: высшее, среднее специальное и техническое образование, т. е. работающие женщины были более образованны… Однако с момента перестройки происходит формирование двух секторов на рынке труда (т. е. произошел резкий возврат к патриархатному порядку в экономической сфере): 1) новый, рыночный, «мужской», престижный и высокооплачиваемый и 2) «женский», традиционный, государственный, где сохраняется чисто внешне высокий социальный статус, но с низкой оплатой труда: в образовании трудится 78% женщин, здравоохранении и социальном обслуживании – 83%, торговля, общественное питание – 76%, связь – 71%, культура и искусство – 72%. Резко обозначилось вытеснение с рынка труда слабых, но более образованных женщин как незащищенного меньшинства» [2, с. 75, 102]. Женщин усиленно отправляют в сферу частной жизни, освобождая от нее поле экономики и политики.

Разделение сфер частной и общественной жизни – явление позитивное, помогающее индивиду обрести независимость и самостоятельность. Но оно двойственно и противоречиво: семья в буржуазное время является воплощением патриархата. С переходом к свободным рыночным отношениям ситуация женщины в России менялась самым различным образом и нарастающими темпами меняется до сих пор. Несмотря на то, что за советский период четыре поколения женщин

были приучены расценивать роль домохозяйки как не престижную, с началом перестройки обозначился и добровольный, и вынужденный возврат, тяга к домоводству и статусу домохозяйки. Изменение повседневных практик касается прежде всего быта и включенности в него женщин. «Сфера быта рассматривается как сфера самореализации женщины, как сфера свободы и укрытие от работы и государства, от «дикой публичности». Однако это и сфера борьбы нового и старого… Формирование нового быта обеспеченных классов становится возможным за счет процессов стратификации» [9, с. 8].

Поиски путей организации жизни в новых условиях (совмещение профессиональной и семейной жизни, быта и досуга) заставляют современных образованных городских женщин анализировать свой жизненный опыт, оценивать ресурсы по самостоятельному выстраиванию такого варианта жизни, при котором они минимизируют зависимость как от семьи, так и от внешних социально-экономических условий. Специалисты именуют такой тип женщин автономным [13, с. 68], и появление его в России означает освоение европейского варианта освобождения женщины от контроля, обретение ею независимости и возможности принимать самостоятельные решения как в публичной, так и приватной сферах.

Изменения, происходящие в российской семье, по-своему свидетельствуют о неоднозначности гендерных отношений, о подспудно происходящей их ломке. Она заметна и в отказе одного пола от жесткого и безусловного подчинения другому, и в общей десакрализации отношений власти – будь-то в семье или в государстве. Возникло несколько устойчивых тенденций в обществе, приводящих к модернизации семьи: 1) вытеснение «государственного» российского человека человеком «приватным»; 2) тенденция к разграничению сфер государственной и частной жизни. «Моя семья – моя крепость» – это институт, который находится как бы вне сферы вмешательства государства. Помощь государства стала столь несущественна, что только члены семьи несут тяготы семейной жизни и отвечают за ее благополучие; 3) распространение в семье нормы реципрокности – взаимности. В средней российской семье отсутствуют авторитарно-иерархические отношения – нет жесткого подчинения одного пола другому. Причем нет ни бесспорного, как бы формализованного признания авторитета отца, ни полного контроля над жизнью семьи со стороны матери. Другие параметры – степень подчиненность индивида семье или степень участия в принятии решений говорят об устойчивой демократизации внутрисемейных отношений. «Это следствие кризисного состояния рынка труда, общей социально-экономической нестабильности, что приводит к отказу от четкой ориентации на традиционное разделение семейных функций в пользу иных, более современных и гибких правил поведения, в частности демократического правила «взаимозаменяемости» всех семейных обязанностей. Экономическое положение людей настолько тяжело, что они на практике готовы меняться гендерными ролями, выполняя то роль добытчика, то роль няни или воспитателя для ребенка, только бы дожить до завтрашнего дня. Эволюция внутрисемейных отношений в России идет, хоть и со своими особенностями, но примерно в том же направлении, что и в основной массе европейских стран, т. е. семья рассматривается как любовный, личностный союз, а не социально-функциональное партнерство » [11, с. 80–82].

Разительными темпами меняется и сексуальная жизнь женщины, но здесь также проявляются противоположные тенденции: с одной стороны, либерализация женской сексуальности, ее автономизация, сфера репродукции отрывается от брака; с другой, – репатриархализация, т. е. «сексуальные потребности женщин считаются вторичными, от женщины продолжают ожидать обслуживания мужчины, в том числе сексуального…появление рыночных сценариев, при которых секс становится предметом торга и обмена» [12, с. 358–359].

Не менее сложным предстает и процесс институционализации гендерных исследований в России. Гендерные исследования – это

политизированная и идеологизированная область знаний, связанная с независимым женским движением, возникшим и набирающим силу в нашей стране с момента перестройки. Как отмечают специалисты, «для либерального эссенциализма российского образца характерно сегодня отождествление феминизма с мужененавистничеством, индивидуальной депривированностью женщин-инициаторов гендерных исследований, политической ангажированностью и гомосексуальной ориентацией сторонников гендерного подхода… Эти культурные барьеры приводят к тому, что гендерные и феминистские исследования рассматриваются в обществе как ориентированные на нежелательные изменения в сфере отношений между полами и, прежде всего, на разрушение института семьи» [5, с. 39, 41]. В этой ситуации автономизация и интеграция выступают как сознательные стратегии институционализации гендерных исследований, с целью преодолеть возникающие барьеры и использовать имеющиеся возможности, в том числе поддержку мирового научного сообщества (финансовую и организационную).

Набирают темпы и размах гендерное просвещение и гендерная социализация в России, которые помогут сформировать гендерную компетентность. По мнению психолога И. С. Клециной, формирование гендерной компетентности направлено на преодоление неравенства между людьми разного пола**. Задача данных усилий – понять причины неравенства и разработать способы его преодоления. Эффективность гендерных отношений будет связана со стремлением замечать гендерное неравенство, преодолевать его, не быть субъектом и объектом такого рода неравенства. Но кто эффективнее в обучении этой компетентности: вуз, семья или реальная практика социальных и интимных отношений, а, может быть, масс-медиа? Или эти социальные институты учат по-разному? И не заложено ли противоречие в представление об эффективности гендерной компетентности? Иными словами, какая компетентность предпочтительнее: в рамках неравенства, т. е. уже сейчас, или компетентность в преодолении неравенства, т. е. в неопределенном будущем? Многие специалисты, преподающие данный предмет («Введение в гендерную проблематику») в вузах, свидетельствуют, что российские студенты, особенно студентки, не готовы к его восприятию в полном и актуальном объеме, ориентируются на традиционное разделение «мужского» и «женского», более компетентны в том, что они хотят от «мужского мира» и что «мужской мир» ждет от них, т. е. строят свою личную жизненную стратегию в свете «маскулинной проекции». «Потребность мужчины в уме и честолюбии не распространяется на женщин, которые более умны и честолюбивы, чем он сам. Иными словами, мужчины не хотят сближаться с женщинами, которые умнее и честолюбивее их самих, и это ставит женщин перед трудным выбором: нравиться или вызывать уважение», – замечает И. С. Кон [7, с. 109]. И это не истина полувековой давности, а результаты современных (2007 г.) американских исследований у студентов Колумбийского университета при использовании такой популярной, специально организованной формы знакомства, как спид-дейтинг (*англ.* speed-dating. – быстрое свидание) [7, с. 108].

Что же все-таки способно привнести в общество развитие толерантности, в том числе гендерной, в случае ее обретения? Перечислим важнейшие моменты. Развитие данного вида толерантности определяет многомерность среды и разнообразных взглядов, учет и позитивное использование различия в опыте; обеспечивает гармоничное мирное сосуществование представителей, отличающихся друг от друга по полу или другим признакам, ориентациям; служит общественным гарантом неприкосновенности и ненасилия по отношению к полоролевым установкам и легализует их положение с помощью закона (например, альтернативная служба); позволяет сдержать неприязнь в сочетании с отлаженной позитивной реакцией либо заменить неприязненное отношение на позитивное; предоставляет конструктивный выход из конфликтных ситуаций; ориентирует отношения на соблюдение равноправия, уваже-

ния, свободы личности на основе не детерминированной биологически философии и мировоззрения; служит основой для нормализации психологической атмосферы в личной жизни индивидуума, в группе, в обществе (атмосфера доверия, уважения, признания, поддержки); формирует и развивает гендерное самосознание; обеспечивает позитивную гендерную и социальную самоидентификацию; поддерживает и развивает самооценку личности, группы; обеспечивает передачу опыта позитивного социального взаимодействия между индивидуумами, представителями групп и опыта человечества в целом; является совершенным образцом организации жизнедеятельности в семье и социуме; обеспечивает успешную социализацию независимо от биологии; развивает нравственное понимание, сопереживание, умение лояльно оценивать поступки других; развивает готовность к общению, сотрудничеству, взаимообогащению и пониманию; обеспечивает возможность творческого преобразования окружающей действительности; создает условия для безопасного проявления дивергентности, творческой активности; создает условия для творческого самоутверждения; позволяет получить счастье от общения с представителями иного пола и осознание своей индивидуальности, от признания группой и миром; повышает качество жизни индивидуума, группы и общества в целом [10, с. 130].

Вклад гендерной толерантности в нормализацию гендерных отношений бесспорен, но российская реальность еще бесконечно далека от осуществления этого проекта. Плюрализм гендерных самоидентификаций, как и личных стратегий в межполовых отношениях достаточно велик. В этом ситуация в России опять-таки закономерно отражает европейский путь в его начальной стадии: период эмансипации женщины и индивидуализации ее интересов. «Государство, наука, политика, права человека, семья, любовь оказались «нанизанными» на одну ось, названную «гендерный режим». Мы от него зависим, хотим или не хотим этого. Гендерный режим стал зоной рефлексии: философии, социологии, политологии на исходе XX в. XXI в. будет веком разительных изменений внутри его жесткого каркаса. Придавая ему более гибкие контуры, общество откроет новый источник сохранения своей живой ткани» [8, с. 350]. Институционализация гендерных исследований, развитие женских независимых движений, модернизация семейных отношений, оптимизация женской сексуальности, появление феномена автономной женщины свидетельствуют, что наметился вектор движения от женщины как средства к женщине как цели, цели-в-себе и для себя, а не только для государства, общества, семьи, мужчины. Недаром так трудно было доказать в советский период полноправность такого члена общества, как женщина-труженица и женщина-мать, для признания которого (т. е. полноправия) требуется специальное ***исполнение назначенных обществом (государством) ролей***. Сейчас может казаться, что ситуация катастрофически ухудшается и трагически неуправляема, но это только начало движения, которое обозначает, быть может, негативную стадию кризиса, который способен принести оздоровление сферы межполовых отношений и оформление гендерного порядка, свидетельствующего о рождении новых культурных норм.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Статья написана по материалам доклада «На пути к гендерной толерантности в России: проблемы и перспективы», представленного на международной научной конференции «Мужское и мужественное в современной культуре» (4-6 марта 2009 года, г. Санкт-Петербург, СПбГУ, факультет философии и политологии,).

** Материалы круглого стола «Как возможно формирование гендерной компетентности в системе высшего образования» обозначенной выше конференции (готовятся к печати).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Айвазова С. Г.* Гендерное равенство как проблема российских реформ: политический аспект. Научно-аналитический доклад. М.: ИСП РАН, 2002. 54 с.

2. *Айвазова С. Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия. Очерки политической теории и истории. Документальные материалы. М.: РИК Русанова,1998. 408 с.

3. *Воронина О. А.* Формирование гендерного подхода в социальных науках // Гендерный калейдоскоп / под общ. ред. М. М. Малышевой. М.: Academia, 2001. 520 с.

4. Женщины и мужчины в России: Краткий статистический сборник. М.: Госкомстат России, 2000. 110 с.

5. *Здравомыслова Е. А.*, *Темкина А. А.* Институционализация гендерных исследований в России// Гендерный калейдоскоп / под общ. ред. М. М. Малышевой. М.: Academia, 2002. 520 с.

6. *Кон И. С.* История и теория «мужских исследований» // Гендерный калейдоскоп / под общ. ред. М. М. Малышевой. М.: Academia, 2001. 520 с.

7. *Кон И. С.* Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 496 с.

8. *Малышева М. М.* Современный патриархат. Социально-экономические эссе. М.: Academia, 2001. 369 с.

9. Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности: коллективная монография / под ред. Е. Здравомысловой, А. Роткирх, А. Темкиной. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. 524 с.

10. Обучение толерантности: метод. пособие / под ред. Г. Л. Бардиер. СПб.: Норма, 2005. 138 с.

11. Повседневные практики и процессы институциональной трансформации в России. М.: ИСП РАН, 2002. 123 с.

12. *Темкина А. А.* Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. 376 с.

13. *Чепурная О.* Автономная женщина: жизненная стратегия и ее эмоциональные издержки // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности: коллективная монография / под ред. Е. Здравомысловой, А. Роткирх, А.Темкиной. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. 524 с.

REFERENCES

1. *Ayvazova S. G.* Gendernoye ravenstvo kak problema rossiyskikh reform: politicheskiy aspekt. Nauchno-analiticheskiy doklad. M.: ISP RAN, 2002. 54 s.

2. *Ayvazova S. G.* Russkie zhenshchiny v labirinte ravnopraviya. Ocherki politicheskoy teorii i istorii. Dokumental'nye materialy. M.: RIK Rusanova,1998. 408 s.

3. *Voronina O. A.* Formirovanie gendernogo podkhoda v sotsial'nykh naukakh // Genderny kaleydoskop / pod obshch. red. M. M. Malyshevoy. M.: Academia, 2001. 520 s.

4. Zhenshchiny i muzhchiny v Rossii: Kratkiy statisticheskiy sbornik. M.: Goskomstat Rossii, 2000. 110 s.

5. *Zdravomyslova E. A., Temkina A. A.* Institutsionalizatsiya gendernykh issledovaniy v Rossii// Genderny kaleydoskop / pod obshch. red. M. M. Malyshevoy. M.: Asademia, 2002. 520 s.

6. *Kon I. S.* Istoriya i teoriya «muzhskikh issledovaniy» // Genderny kaleydoskop / pod obshch. red. M. M. Malyshevoy. M.: Academia, 2001. 520 s.

7. *Kon I. S.* Muzhchina v menyayushchemsya mire. M.: Vremya, 2009. 496 s.

8. *Malysheva M. M.* Sovremenny patriarkhat. Sotsial'no-ekonomicheskie esse. M.: Academia, 2001. 369 s.

9. Novy byt v sovremennoy Rossii: gendernye issledovaniya povsednevnosti: kollektivnaya monografiya / pod red. E. Zdravomyslovoy, A. Rotkirkh, A. Temkinoy. SPb.: Izd-vo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2009. 524 s.

10. Obuchenie tolerantnosti: metod. posobie / pod red. G. L. Bardier. SPb.: Norma, 2005. 138 s.

11. Povsednevnye praktiki i protsessy institutsional'noy transformatsii v Rossii. M.: ISP RAN, 2002. 123 s.

12. *Temkina A. A.* Seksual'naya zhizn' zhenshchiny: mezhdu podchineniem i svobodoy. SPb.: Izd-vo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2008. 376 s.

13. *Chepurnaya O.* Avtonomnaya zhenshchina: zhiznennaya strategiya i eyo emotsional'nye izderzhki // Novy byt v sovremennoy Rossii: gendernye issledovaniya povsednevnosti: kollektivnaya monografiya / pod red. E. Zdravomyslovoy, A. Rotkirkh, A.Temkinoy. SPb.: Izd-vo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2009. 524 s.